

Игорь Водолеев Где кот идет 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8904115

*Игорь Водолеев Где кот идет. Книга 2. Звёзды погасли: ООО «Написано пером»; СПб; 2014
ISBN 978-5-00071-144-6*

Аннотация

Дорогой читатель! В первой книге трилогии «Где кот идет» герои путешествуют в пространстве, чтобы помочь планете. Во второй книге они перемещаются во времени, чтобы спасти Вселенную. Случилось так, что звёзды внезапно погасли. То, что мы видим на ночном небе, это картина вчерашнего дня. Вместо света звёзды давно излучают волны гравитации, признак приближающегося конца. Вся надежда – на бессмертного поэта Белова и его команду.

С уважением, автор.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	25
Часть 2	27
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Игорь Водолеев

Где кот идет. Книга 2. Звёзды погасли

www.napisanoperom.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© И. Водолеев, 2014

© ООО «Написано пером», 2014

Часть 1

Глава 1

Артропод Эрцех проснулся на закате. Упруго поднявшись на двух передних ногах, он осторожно выпустил наружу стебельки с гравичувствительными органами и огляделся вокруг. Выход из пещеры, завешенный на день шкурой таптуха, единственного летнего хищника, который не боялся дневного тяжелого излучения, обозначился аркой тускло-серого оттенка. Закатные волны уже не так давили на гравиглаза, чтобы прятать их защитных ямках головного панциря. Летом мощность гравитационного излучения, насылаемого центральным тяжилом Рецолом, была настолько высока, что в дневные часы все живое пряталось под защитой массивных скал. Впрочем, на Ларце обитали и другие существа, которые не были так чувствительны к гравитационным волнам.

Эрцех с презрением подумал о тетраподах. Они появились в конце весны неизвестно откуда и обосновались на кремнистой равнине в долине Смерти. Поскольку пришельцы не посягали на спасительную тень священных гор, старейшина мужечников Гроцх разрешил тетраподам разбить свой лагерь в долине. Скоро осень, лениво объяснял он своим однополникам, слабо люминесцируя в полумраке пещеры. Осенние гравибури все равно сомнут тетраподов. Тогда их ценные вещи целиком достанутся мужечникам. Будет чем расплатиться с женочниками в брачный сезон. Охотник Йецирс возражал, что вещей на всех не хватит. К тому же в эту весну подстилочников созрело в меньшем количестве, чем обычно. Это значит, что взрослые особи потребуют большей платы за свои услуги. В ответ Гроцх разразился целым каскадом сердитых вспышек. Вы сами виноваты, сверкал старейшина. Не надо было подкармливать малышей радоном. Давно известно, что этот ядовитый газ замедляет половое созревание подстилочников. Только дети не знают, что радон вреден для нянек.

Эрцех не вмешивался в эти разговоры. Его личный подстилочник уже созрел и с нетерпением ожидал ночи, когда мужечник и женочник сольются на нем в любовном экстазе. Никто не спорит о вреде радона, думал Эрцех, спешно роясь в изголовье лежанки. Все дело в небольшом секрете. Надо не жалеть тяжелой воды и растворять радон в нужной пропорции. Тогда грубый наркотик превратится в питательный напиток, обладающий к тому же тонизирующими свойствами. Захватив припрятанный утром мех с тяжелой водой, он накинул попонку из шкуры таптуха на свое крепкое тренированное тело и бесшумно выскользнул из пещеры.

Его гравиглазам предстала величественная картина ночного неба, неизменно приводившая молодого воина в священный трепет. Центр Галактики, прекрасно видимый с Ларца на южной части небесной сферы, сверкал в черной бездне драгоценной жемчужиной сверхплотной материи, окруженной матово-серыми концентрическими кольцами гравитационных волн. Сиявшие призрачным светом волновые кольца просвечивали сквозь дымку близких к Рецолу туманностей, которые не экранировали действие центра галактики. Напротив, в силу неизвестных причин плотные скопления материи еще больше усиливали губительную мощь гравитационного излучения центра. Разумом, генетически впитавшим знания всех своих предков за последние шестьдесят веков, Эрцех понимал, что жемчужно-серые кольца, захватившие уже половину южного неба, являются сферическими гравиволнами. Расширяясь, подобно кругам на воде, они с огромной скоростью расползаются во все стороны от центра галактики. Наступит день, когда фронт очередной волны достигнет Ларца, как это случилось шесть тысяч лет назад.

Старый Мерцих рассказывал, что до катастрофы Рецол и другие небесные тяжила излучали только свет из фотонов. Поэтому их называли «светила». Сами артроподы тоже были другими. Они могли видеть только свет, гравиволн не замечали. А может, гравиволн в те далекие времена вообще не было?

Туманные легенды прошлого плохо укладывались в голове молодого воина. Как может свет перемещаться на космические расстояния? Ведь он такой слабый. Его яркости хватает только для бесед между артроподами. И то, если твой собеседник не прячется за скалой. Нет, только ничем не экранируемые мощные гравиволны могут донести непередаваемое словами ощущение открывшейся над головой космической бездны, которая поглотила уже миллиарды обитаемых миров.

Доводы Мерциха никого не убеждали. Да и как мог доказать недоказуемое выживший из ума старик, который почти не покидал свой лежак в углу пещеры? Путая личные воспоминания с родовыми, он рассказывал о былом величии вида, обладавшим космическим флотом, корабли которого облетели всю вселенную. Затем случилось нечто ужасное. Звезды начали гаснуть одна за другой. Вместо света центр галактики начал посылать гравитационные волны. От удара первой гравиволны светосфера Рецола погасла и на Ларце наступила полная тьма. Что такое светосфера, Мерцих, конечно, не мог объяснить своим немногочисленным зрителям. Еще одна фантазия чудаковатого философа. Разве можно поверить в то, что артроподы раньше были двуполыми, а подстилочников вовсе не было? Кто же тогда кормил личинок? Женочки? Но это же смешно. Брызгая вспышками головных люминофоров, Мерцих утверждал, что шесть тысяч лет тому назад погас не только Рецол. Это случилось со всей видимой частью вселенной. Катастрофа на Ларце вызвала подвижки континентов. В результате землетрясений погибла большая часть мужечников. Популяция женочников пострадала меньше, но частые мутации привели к отщеплению нового пола – подстилочников, которые генетически были приспособлены к вынашиванию оплодотворенной яйцеклетки и выкармливанию личинки. Система трех полов оказалась выгодной для вида в целом. Артроподы не только выжили, но и заняли господствующее положение на Ларце. Решающую роль в этом сыграли особые органы, которые вырастали у личинки в процессе ее выкармливания подстилочником. Эти органы имели вид двух стебельчатых усиков, чувствительных к гравитационным волнам, которые в этом мире излучали все небесные тяжила. Именно гравизрение обеспечило гексаподам полное преимущество в пространственном ориентировании и сделало их властелинами Ларца.

Мерцих утверждал, что до катастрофы вселенная была заполнена световым излучением и обитатели планеты использовали световой тип зрения. Но он не мог объяснить, откуда тогда бралось чудовищно необходимое количество света. Старик бормотал какие-то слова, нечто вроде «реакция ядер», и «электромагнитные волны», что было совсем непонятно. Каждый ребенок знает, что волны бывают только гравитационные, и никаких других волн ни одно тяжило в мире излучать не может. Совсем уж невероятной была история о том, что одна звезда все же не погасла. Жители планеты, что вращалась вокруг этой звезды, свое светило. Тысячи лет они посылали в космос световые сигналы, но ослепшая вселенная не могла откликнуться на их зов. Мерцих даже называл имя этой планеты, которое звучало как «Земля». Это уже не лезло ни в какие рамки, поскольку имен, в которых нет звуков «р» и «ц», просто не существует.

Повернувшись на юг, Эрцех засек направление на пульсар, который подмигивал ему из центра соседней туманности, пронизанной волокнами гравивозмущений, напоминавшими клешни краба. Гравипульсар Краб, видимый в направлении на южный полюс, использовался на Ларце для навигации, как важнейшее южное тяжило. Воин взобрался на кучу валунов, прикрывавших вход в пещеру. Выпрямившись во весь свой полутораметровый рост, он поднял копулятивное щупальце с единственной люминофорной клеткой и послал к горизонту

сложный световой сигнал, означавший сексуальную готовность мужечника. Через несколько секунд, показавшихся ему вечностью, далеко на юге возникли две короткие вспышки, означавшие готовность и приглашение женочника. Вспотев от внезапного волнения, Эрцех окутался облачком ароматического вещества и стрелой слетел вниз. Впереди была ночь свидания и он не желал упускать из нее ни одной минуты.

– Внимание! – предупредил Белов. – Похоже, артропод-мужечник заканчивает свое дело. Смотри, подстилочник раскрывает сумку, а женочник особь вводит в нее яйцеклад. Готово, яйцо отложено.

– Давно пора, – сказал Кари. – Свидание длилось почти всю ночь. Смотри, женочник отвалился и помчался обратно в пещеру к своим подружкам. Мужечник пока остался. Похоже, он должен еще и няньку ублажить. Правильно, любишь кататься, люби и саночки возить.

– У них так принято, – пояснил Белов. – Это разумно. Пока подстилочник не закрепится на грунте, мужечник не уйдет.

– Мужечник сильно рискует, – заметил Кари. – Если восход Рецола застигнет артропода, ему придёт конец. Задымит, как вампир на солнце, и – аллес, пишите письма...

Прильнувшие к экрану инфракрасного локатора диверы наблюдали, как подстилочник с яйцом внутри сумки-инкубатора сворачивается в плотный кокон, покрываясь коркой кремнезема. Все его шесть коротких ножек вросли в сухой грунт и окаменели. В наблюдательной башенке, замаскированной под голую скалу, прозвучал мелодичный гонг.

– Все, – вскочил Кари. – Рецол восходит! Мужечнику обратно никак не успеть. Открывай дверь для артропода. Теперь его можно брать, вместе со шкурой таптуха, причем наша совесть, прошу заметить, будет абсолютно чиста.

– Разумеется, – согласился Белов, нажимая клавишу. – Мы, можно сказать, спасаем туземца от мучительной смерти.

Артропод заметался по площадке. Он понимал, что на открытом пространстве ему не протянуть и двух минут. Впрочем, можно попытаться завернуться в попонку, облив ее тяжелой водой. Воды осталось еще полмеха. Но что это даст, лишнюю минуту-другую. А что будет с малышом? Как он будет отращивать глаза? Всю влагу он получает через подстилочника. Нет, Эрцех не будет отбирать воду у ребенка. Значит, ему суждено умереть здесь. Пусть будет так. Прекрасная, славная смерть воина.

Оглянувшись, Эрцех увидел вход в пещеру, открывшийся у подошвы лысой скалы. Как я раньше его не заметил, обрадовался он. Если пещера глубока, то можно занавесить вход попоной. Это шанс.

Он вылил последнюю воду на окуклившегося подстилочника и нырнул в тесный лаз, излучавший, как обычно, слабый гравифон. В глубине скалы лаз расширялся в небольшую пещеру с подозрительно гладкими стенами. Сзади послышался слабый шум. Повернувшись всем телом, он увидел, как сзади опустилась массивная каменная плита, полностью перекрывшая вход. Воину это не понравилось, но выбора не было. Приглядевшись к мерцанию фона, он определил, что плита была не очень толстой. При необходимости тренированный артропод мог расколоть ее одним ударом заднего хода. Эрцех был тренированным артроподом.

Почувствовав усталость, он улегся на полу и укрылся шкурой таптуха. Не успел он втянуть глаза под защитный козырек, как с потолка опустилась паутина. Липкие нити ничего не весили, он сначала ничего не почувствовал. Артропод рванулся, пытаясь разорвать паутину, но у него ничего не получилось. Чем сильнее воин старался, тем крепче затягивались прочные нити. Внезапно задохнувшись, Эрцех потерял сознание.

Глава 2

Стройная медсестра склонилась над больничной койкой.

– Сэр Оливер, утренняя капельница, эуфелин, одна пинта. Прошу закатать рукав. Нет, на левой руке. Правая была вчера.

– Мисс Тейлор, – взмолился Хэвисайд. – Сколько можно? Ведь это уже пятнадцатая!

Привычно улыбнувшись, медсестра перетянула руку выше локтя резиновым жгутом и быстро ввела иглу в набухшую вену.

Устроив удобнее больную ногу, Хэвисайд наблюдал, как бесцветная жидкость капает в переходную камеру. В этом простом устройстве, подумал он, применен технический принцип, изобретенный еще во времена Аристотеля. Древний грек узнал бы в нем клепсидру, водяные часы. Даже деления имеются: сто капель, двести... Две тысячи прокапало – час прошел. Еще один час жизни. Нет, это устройство измеряет не прожитое время. Скорее, оно показывает, сколько жить осталось. Я назвал бы это обратным отсчетом. Мои карманные часы отсчитывают время вперед. А если бы было наоборот? Предположим, кому-то нужно знать, сколько часов осталось до Рождества. Устанавливаем нужную дату, нажимаем кнопку. Стрелки бегут в обратную сторону, показывая время. Нет, стрелки не годятся. Нужны диски с цифрами. Тогда на крышке надо прорезать окна, чтобы цифры были видны. Дисковые часы? Нет, диски слишком тяжелые. Поставить мощную пружину? Тогда это будет настольный вариант, а хочется иметь нечто легкое. Нет, я думаю не о том. Нужен новый принцип измерения времени, а его пока нет. А что такое время? Я не знаю. Аристотель тоже не знал, но ему простительно. Он был уверен, что тяжелые тела падают быстрее легких. Эйнштейн утверждает, что это не так. Весь мир согласен с ним. Мы создаем все более точные приборы для измерения величины, о которой не имеем ни малейшего понятия. Пуанкаре в конце жизни написал книгу «Измерение времени», в которой было больше философии, чем физики. Все же он был больше математиком, чем физиком. Допустим, физика часть философии. Тогда что есть математика? Дадим определение: математика есть способ описания объектов и процессов, основанный на логическом законе исключения третьего. Достаточно? Нет. Исчезло понятие количества. Здесь я бессилен. Никто не может определить понятие количества. Даже Пуанкаре не смог. Кошмар! Любой ребенок знает, что два яблока больше одного. Но никто из математиков не смог логически определить, что означает «один». А если так: математика есть способ описания объектов и процессов, основанный на логическом законе исключения третьего и включающий неопределяемое понятие количества. Нет, не это годится. Какой смысл в определении, которое содержит неопределяемое понятие?

Физикам проще, они сразу начинают измерять. Мы не знаем, что такое масса, но измеряем ее в унциях на рычажных весах. Мы не знаем, что такое сила, но измеряем ее в динах на пружинных весах. Вздор! Проблема не решается тем, что, мы изобретаем новые, все более совершенные приборы. Допустим, мы разгадали загадку времени. Тогда каждый желающий сможет слетать в будущее и узнать дату своей смерти. А зачем? Интересно, был бы я счастлив, если б знал, сколько мне осталось жить на этом свете? Человек – странное существо. Он сам не понимает, что ему нужно для счастья. А другие обитатели Вселенной? Если на Марсе есть разумные существа, то они должны быть намного старше нас. Возможно, они знают дату своей смерти, как мы – день рождения. Дают ли счастье такие возможности? Один русский утверждал, что человек рожден для счастья, как птица для полета. Да, но еще раньше древний римлянин сказал, что нет большей глупости, чем устраивать собственное счастье. Логику древних трудно понять. Наверное, у этого римлянина не было травмы позвоночника. В конце концов, это просто смешно. На Марсе не может быть разумных существ, там слишком мало кислорода.

Хэвисайд откинулся на подушки. Перед закрытыми глазами поплыли красные круги. Острая боль пронзила позвоночник и ударила в правую ногу. В воздухе запахло паленой резиной. Почувствовав неладное, он открыл глаза и увидел, что капельница пуста. Воздух, вспомнил он. В вену может попасть воздух! Он дотянулся до катетера и вырвал иглу. Из крохотной дырочки на сгибе локтя брызнула струйка темной крови. Под потолком что-то зашумело. Он поднял голову и увидел, что подвесной вентилятор вдруг прибавил обороты, затем резко сорвался с крепления и вылетел в окно.

Сэр Оливер проснулся и сел на кровати. В ушах завяз назойливый рокот аэроплана. Прошлепав к окну, он увидел сверкающую винтами тупорылую летающую лодку, быстро скользившую по морской глади. Военный, механически отметил он. Морской разведчик. Аэроплан набрал скорость и уверенно поднялся на крыло. Заложив крутой вираж, он взял курс на север.

Наступило раннее утро 1925 года. Оранжевый диск восходящего из моря солнца позолотил круглую крышу донжона, главной башни Китона. Замок на острове был выстроен еще норманнами почти тысячу лет назад. При Кромвеле на башне устроили маяк, который указывал путь в гавань Саут Ки. Портовый город Южной Англии сыграл важную роль в борьбе с Испанией за господство на море. Во время первой мировой войны на остров завезли силовой генератор и маяк стал электрическим.

В прошлом году Хэвисайд оставил по состоянию здоровья исследования в области теоретической физики. Он даже не смог поехать на Сольвеевский конгресс физиков, где ему должны были вручить золотую медаль за создание метода исчисления, ставшего основой новой квантовой теории. Врачи прописали сэру Оливеру морскую воздух. После недолгих колебаний он принял приглашение родственника жены, который занимал пост смотрителя маяка, провести пару месяцев на острове. Кроме личных вещей Хэвисайд привез в замок свой научный архив, содержащий, в основном, рукописи по различным направлениям теоретической физики. В папке под последним, уже трехзначным номером, хранились материалы новой теории гравитации, которую журнал «Нейчур» не решился опубликовать. Здесь же лежали письма, полученные от известных физиков германской и датской школ. Авторы в вежливой форме отказывались рецензировать работу, которая, по их мнению, имела концепцию, противоречащую основам современной физики. Англичанин Хэвисайд прекрасно понимал, откуда ветер дует. Рассердившись за обструкцию устроенную ему физиками немецкой школы, он дал себе слово никогда не возвращаться к теории гравитационного излучения. Переехав на остров, он сдал архив начальнику маяка, чтобы тот спрятал бумаги в надежном месте.

Карл де Янг, бывший лоцман Адмиралтейства, вышел в отставку через два года после окончания войны. Ему предложили место начальника маяка на Китоне и он охотно согласился. Кроме него в штатном расписании числилась Лора Янг, сероглазая брюнетка из Уэльса, обладательница роскошного бюста. Она выполняла обязанности кухарки, кастелянши, в общем, хозяйки маяка. Из-за сходства их имен королевские инспекторы, приезжавшие в это романтическое место, принимали мисс Янг за супругу смотрителя и немедленно переходили к ухаживаниям. Вначале назойливость чиновников развлекала де Янга. Со временем он даже научился извлекать из этого некоторую пользу, что указывало на практический склад его ума. В бытность свою лоцманом королевского флота де Янг часто говорил, что этикетка на бутылке, это то же самое, что этикет для моряка. Что написано, тому и верить. Он бегло разговаривал на шести языках и содержал технику в идеальном порядке. Кроме того, де Янг владел быстроходным катамараном, на котором привозили необходимые на острове припасы. Власти оплачивали аренду катамарана почему-то в швейцарских франках, которые де Янг аккуратно переводил на свой счет в Цюрихском банке. Вчера, получив очередной чек, он отправился в Саут Ки, пообещав захватить на обратном пути новые предо-

хранители для электрического щита. Мисс Лора поехала с ним, чтобы купить вино и деликатесы к праздничному столу.

Предохранители, вот в чем дело! – понял Хэвисайд. Вчера перегорел последний и де Янг был вынужден замкнуть накоротко электрическую цепь. Он заверил сэра Оливера, что риск минимален, если ночное море будет спокойным. Выходит, изоляция на кабеле не выдержала. Вот откуда запах резины. Необходимо как можно скорее отключить рубильник, иначе может случиться пожар. Солнце уже взошло и свет маяка не нужен. Хэвисайд знал, где находится главный щит. Натянув матросские штаны, которые предпочитал любым спортивным брюкам, он вышел в коридор и спустился в аппаратное отделение. Здесь уже кто-то был. Возле щита с отключенным рубильником стоял неизвестный в синем костюме. Сняв временную перемычку с питающей клеммы, он тщательно протер медные зажимы ветошью и аккуратно вставил в гнездо новенький фарфоровый предохранитель. Хэвисайд громко кашлянул. Мужчина обернулся.

– Сэр Оливер, – поклонился он. – Рад видеть вас в добром здравии.

– Простите, – насторожился Хэвисайд, – Не имею чести знать. Вас прислал де Янг? Вы из ремонтной службы?

– Я действительно из «службы», – улыбнулся неизвестный, – Но не ремонтной. Разрешите представиться: лейтенант Адамс, секретная служба МИ-5. Мы встречались три дня назад в Саут Ки, припоминаете? Сидели в автомобиле, беседовали. На прощанье выкурили по сигаре. Ну, вспомнили?

Хэвисайд в замешательстве потер лоб. Похоже, ночной приступ сыграл с ним плохую шутку. Действительно, три дня назад он ездил в город за почтой. Но сейчас он был готов поклясться, что никогда не встречался с этим типом из британской контрразведки. Тогда откуда в памяти отложилось, что автомобиль был «роллс ройс», а сигара была гаванской?

– Сэр Оливер, – перешел к делу Адамс, – Вы уже получили из «Нейчур» рецензию на вашу статью «Принцип эквивалентности и теория континуума»?

– Откуда вы знаете? – удивился Хэвисайд. – Ах, да, понимаю. Получил с последней почтой, но только отзыв, не рукопись. Дело в том, что редакция журнала по каким-то тайным соображениям не сочла возможным опубликовать эту работу. Рукопись мне так и не вернули.

– Это наша работа, – признался Адамс.

– Простите? – растерялся ученый.

– Майор Келли, мой шеф, позвонил в «Нейчур» и запретил публикацию вашей статьи.

– Да, но на каком основании? Вы хотя бы отдаете себе отчет о важности этой работы для современной науки?

– Именно поэтому. Поймите, профессор, мы не можем разрешить опубликовать в открытой печати информацию, составляющую государственную тайну. Более того, я вынужден просить передать мне на хранение все копии вашей работы.

– У меня не машинописное бюро, – отрезал Хэвисайд. – Я имею только один авторский экземпляр, который вы хотите отобрать. С какой стати я должен ее отдать?

– Этого требуют государственные интересы Британии. В преддверии новой войны с Германией мы все сначала должны стать патриотами. И только потом – учеными и инженерами. Прошу понять меня правильно. Я имею все полномочия.

– Ну, хорошо, – сдался Хэвисайд. – Подождите минуту. Я принесу вам эту злосчастную работу, если она в самом деле имеет такое значение для вашей службы. В конце концов, какая разница, где будет храниться рукопись, если ни один научный журнал не берет ее опубликовать.

Он повернулся и вышел. Адамс сразу начал действовать. Он передвинул рабочий стол в центр помещения, ближе к свету. Затем достал из шкафчика жестянку, в которой хранились

концы для протирки электрических контактов. Ветошь бросил в угол, а жестянку поставил на край стола.

Получив из рук Хэвисайда пачку листов с текстом, Адамс положил ее на стол и достал из внутреннего кармана небольшой портсигар, в крышку которого был вставлен рубин, отшлифованный в форме выпуклой линзы. Повернув портсигар рубином вниз, он направил его на рукопись и нажал кнопку. Отложив первый лист, он сфотографировал следующий, и так до последней страницы. Закончив микросъемку, Адамс дважды нажал на кнопку и спрятав прибор в карман. Здесь случилось неожиданное. Собрав листы статьи, он разорвал их на четыре части. Обрывки бросил в жестянку и поджег.

– Что вы делаете? – воскликнул Хэвисайд.

– Выполняю инструкцию, – невозмутимо ответил контрразведчик, перемешивая отверткой горящую бумагу. – Не беспокойтесь, профессор. Вы получите обратно распечатку статьи, как только это станет возможным. Бумага – это всего лишь бумага. Сэр Оливер, я связан присягой и не имею права раскрывать детали нашей секретной операции, – продолжил он, заметив замешательство ученого. – Одно могу сказать: отдав статью, вы не просто доверили нам важную информацию. Возможно, этим вы предотвратили новую мировую войну. Европа пока ещё не готова. Благодарю вас от имени правительства Её королевского величества. Разрешите откланяться. Честь имею.

Вернувшись в спальню, Хэвисайд нашел табак и спички. Трубка лежала на ночном столике. Набив трубку табаком, ученый вышел на террасу и только здесь закурил. В задумчивости он облокотился на перила и увидел внизу катамаран, уже пришвартованный к причалу. Адамс стоял на пристани в окружении группы вооруженных людей, среди которых был де Янг. В их поведении было нечто странное. Забеспокоившись, Хэвисайд взял бинокль и увидел, что двое держат Адамса сзади за руки, а перед ним стоит крепкий светловолосый мужчина с холодными серыми глазами. Блондин что-то спросил у Адамса. Не получив ответа, он коротко размахнулся и ударил его в живот. От страшного удара лейтенант согнулся и повис на руках удерживавших его боевиков.

Дернув Адамса за лацканы пиджака так, что посыпались пуговицы, блондин засунул руку в его внутренний карман и достал знакомый Хэвисайду портсигар. Помахав прибором, блондин повторил вопрос. Адамс не успел ответить. С моря донесся рокот мощного мотора. Из-за мыса вылетел быстроходный катер, который направился прямо к пирсу. Люди на пристани схватились за оружие. Воспользовавшись замешательством, Адамс вырвал из рук блондина прибор и открыл крышку. Из фотоаппарата вылетела узкая серая лента, которая мгновенно почернела на солнце. Блондин пожал плечами. Вытащив пистолет, он приставил ствол к голове несчастного Адамса и нажал на спуск.

На катере, который был уже довольно близко, прогремел выстрел. Пуля ударила в край пристани, отбивая каменную крошку. Блондин указал на катер и пролаял короткую команду. Две пулеметные очереди прошли по суденышку, прошивая насквозь тонкие борта. Одна из пуль попала в бензобак, который мгновенно взорвался. Горящий катер погрузился кормой в воду и затонул в считанные секунды. Сбросив тело Адамса в воду, боевики направились в замок.

Хэвисайд опомнился. Он понял, что через несколько минут убийцы поднимутся наверх и найдут его. Архив, они охотятся за моим архивом, подумал ученый. Упустив фотокопию, диверсанты идут за оригиналом. Кто они? Разумеется – немцы, нацисты. В преддверии новой войны мы должны стать патриотами. Так сказал Адамс. Он был абсолютно прав.

Хэвисайд поспешил в кабинет де Янга. Он раскрыл большой чемодан и сложил в него все папки с неопубликованными работами. Лодка, вспомнил он. В ангаре есть резиновая лодка. Чемодан кожаный и бумаги не должны промокнуть. Волоча за собой тяжелый чемодан, он спустился через черный ход и пробрался в ангар. Лодка лежала у входа. Воздух из нее

был спущен. Проклятый предатель, выругался Хэвисайд. Думает, что сможет мне помешать. Открыв чемодан, он достал из бокового кармана небольшой баллончик с трубчатым накопником и вставил его в наполнительный клапан лодки. Только бы эта чертова химия не выдохлась, подумал он и повернул ободок на корпусе баллончика. Послышалось шипение. Оболочка лодки дрогнула под воздействием сжатого газа и через несколько секунд надулась до нормального состояния.

– Так вот как эта штука действует, – воскликнул де Янг, входя в ангар. – А я все голову ломал, зачем нужен этот баллончик. Стоять! – приказал он и направил на сэра Оливера пистолет.

– Вы, мистер Хэвисайд, сами не понимаете, во что вляпались. За этими бумагами охотятся спецслужбы двух самых могущественных держав мира. Зачем вы вступили в контакт с Розманом? Неужели вы хотели передать материалы русской разведке?

– Это был лейтенант Адамс, – возразил Хэвисайд. – Работник британской секретной службы.

– Адамс, Розман, Блок, – рассмеялся де Янг. – У этого двойного агента не один десяток имен. Мы никогда не доверяли ему. Недаром генерал Рекн приказал принять особые меры и оказался прав. Впрочем, как всегда. Но не будем терять времени, – он бесцеремонно отобрал чемодан и открыл его.

– Где папка с вашей последней работой?

– По теории гравитации? – выдавил Хэвисайд.

– Вот именно, по теории.

– Сверху, – показал он, надеясь, что голос не подведет. – Желтая папка.

– Посмотрим, – буркнул де Янг, развязывая тесемки. – Так, «К вопросу о принципе эквивалентности». Ага, удача! Доктор Клейн на инструктаже говорил именно об этом принципе.

Дверь открылась. В ангар легкой бесшумной походкой вошел сероглазый блондин. Хэвисайд узнал его, это он только что хладнокровно пристрелил Адамса.

– Карл, вы нашли то, что нам нужно? – в низком голосе блондина проскальзывали металлические ноты, как у баса из оперы Вагнера, пропущенной через изобретенный недавно электронный усилитель.

– Так точно, господин генерал, – заторопился де Янг. – Вот эта папка.

– Хорошо, – спокойно сказал Рекн. – Мы заберем все.

– Слушаюсь, – козырнул де Янг. Он бросил папку в чемодан и закрыл его. – А как быть с профессором? Он видел нас и донесет властям.

– С профессором? – Рекн вытащил пистолет. Похолодев, Хэвисайд бессильно опустился на ящик.

Не обращая внимания на профессора, Рекн дважды выстрелил в лодку, которая лопнула с громким шумом.

– Карл, сделайте ему укол бисульфина, – приказал он, пряча оружие. – Смерть выдающегося физика не должна вызвать шум в британском обществе.

Хэвисайд не почувствовал боли от укола. Сознание медленно расплывалось в туманное облачко. Последней мелькнула мысль о старой статье, в которой сам нашел принципиальную ошибку. Вряд ли профессор Клейн сможет использовать мои неверные выводы, подумал он, проваливаясь в темноту.

Глава 3

Проснувшись позднее обычного, полковник Дахно с трудом разлепил тяжелые веки. После вчерашнего юбилея печень болела так, словно в нее насыпали патефонных иголок. Вспомнив, что вчера, выпив лишнего, начальник спецотдела капитан Смородов ухитрился сломать алмазную иглу у новенького, специально купленного ко дню рождения стереофонического комбайна «Романтика-201», Анатолий Тарасович не сдержался и выругался во весь голос.

Лучше бы он этого не делал. Произнесенные в адрес Смородова суровые, но справедливые слова эхом отразились от кирпичных стен и ударили в виски чугунными молоточками. Подавив невольный стон, Дахно налил в стакан нарзану и с жадностью выпил. В голове немного прояснилось. Даже импортные розовые обои с желтыми драконами, наклеенные в спальне по указанию жены, уже не казались такими дурацкими.

Надо сказать, что с квартирой полковнику повезло. Два года назад по приказу министра обороны для сооружения на территории части объекта специального назначения было выделено 180 миллионов рублей. Анатолий Тарасович сразу понял, что сам Бог велит отщипнуть от этой гигантской по тем временам суммы небольшой кусочек на строительство жилья для офицеров части. Пустив в ход кое-какие связи, пообещав двухкомнатную квартиру замначальника управления, который недавно выдал замуж единственную дочь, Дахно добился разрешения на строительство жилого дома за счет сэкономленных ресурсов. Так на территории войсковой части менее чем за год появился совершенно секретный объект неизвестного назначения под кодовым названием «Бута», а в микрорайоне вырос жилой дом улучшенной планировки. Авторитет полковника, в результате этой хозяйственно-тактической операции, существенно поднялся в глазах кадровых офицеров, въехавших вслед за командиром в новые квартиры. Зеленые лейтенанты, призванные служить после университета на два года, остались зимовать в офицерской казарме.

Объективности ради следует признать, что экономить полковник умел, хотя и не имел высшего экономического образования. Более того, Дахно всегда предупреждал прибывающих в полк лейтенантов, что на время службы они должны забыть физику, астрономию и прочие теоретические науки. Эти абстрактные дисциплины были бесполезны в хозяйственной жизни полка, где Анатолий Тарасович чувствовал себя как рыба в воде. Взять, к примеру, снос аварийного жилья в старых кварталах города. Строительные организации располагали денежными средствами, а у полковника имелись трудовые ресурсы, которыми он весьма умело распоряжался. Пока вчерашние выпускники, не способные понять прелесть искусства делания денег из воздуха, трепались за биллиардным столом о проблемах черных дыр, полковник одним звонком на гауптвахту обеспечивал трудовыми ресурсами расчистку строительных площадок. Так создавалась экономия финансовых средств на вполне приличную сумму, которая затем не без помощи жены превращалась в предметы культуры и быта.

Как говорил Смородов, что взять с двухгодичника, кроме анализов? Первый год он учится служить, второй – готовится к увольнению. Взять хотя бы лейтенанта Саничева. На утреннем докладе (который злые языки называли сексуальным часом комполка) капитан сообщал, что часто видит Саничева в обществе сержанта Турлюна. Данный факт внушает ему серьезную озабоченность. Судя по разговорам, лейтенант попал под паранормальное влияние побывавшего в «Буте» Турлюна и скатился до антинаучной пропаганды. Будучи на помывке в бане, Саничев распускал слухи о том, что спецобъект «Буту» построили инопланетяне. В центральной шахте находится вовсе не сверхсекретная ракета, как приказано думать согласно секретной инструкции, а машина времени двухстороннего действия, сокращенно, МВД-2. При помощи вышеуказанной МВД-2 на территорию нашей великой

Родины периодически прибывают, минуя паспортный и таможенный контроль, пришельцы из параллельной вселенной. Саничев договорился до того, что ближайший десант пришельцев ожидается к приходу кометы Галлея, которая должна упасть на Землю через пару недель. В результате глобального катаклизма на Земле наступит ядерная зима и люди вымрут, как динозавры.

При мысли о «Буте» в печени кольнуло так, что Анатолий Тарасович невольно охнул. Действительно, этот окруженный двойным забором секретный объект торчал на территории части, как бородавка на носу, действуя полковнику на нервы. Достаточно сказать, что командир «Буты» имел генеральские погоны, подчинялся непосредственно министру обороны, сидел неизвестно где. Служившие на объекте офицеры имели право проезжать через расположение части в любое время суток. На этот счет полковник имел прямые указания сверху. Такое положение дел не могло не раздражать Дахно, который привык держать хозяйство полка под контролем. А тут еще очередная партийная демократическая оттепель. Органы печати как с цепи сорвались. Пишут все, что им в голову взбредет о бывших вождях и новых политиках. Анатолий Тарасович был твердо убежден в том, что граждане страны делятся на две части. Одни ждут, пока им дадут, и умирают нищими. Другие берут сами, ни у кого не спрашивая. Вот Сталин: взял власть и держал ее до конца. Еще посмотрим, на что способны новые демократические вожди. В армии слово демократия переводится просто: демо – едино, кратия – начало. В общем – единоначалие. Глобальный катаклизм? Чушь собачья. Вот приезд проверяющих из штаба округа, так это действительно катаклизм для бюджета части. А кометам положено по уставу прилетать из глубин Вселенной и улетать обратно. Надо приказать Смородову, чтобы тот приструнил не в меру болтливого лейтенанта. Хотя факт остается фактом. Комету Галлея уже можно видеть после наступления темноты в обычный полевой бинокль. По радио с утра до вечера крутят одноименную песенку в исполнении не по уставу длинноволосого певца Леонтьева.

В инопланетян Дахно, конечно, не верил, хотя в душе признавал, что за забором «Буты» творятся странные дела. Время от времени двойные ворота объекта раскрывались, выпуская автобус с наклонной белой полосой на борту, которая разрешает проезд под любой запрещающий знак. Автобус иногда возил бойцов, одетых в обычный армейский камуфляж. Но обмануть полковника, который всю жизнь служит в рядах армии, не так-то просто. Непривычная манера держать оружие, какая-то безмятежно спокойная уверенность на лицах бойцов вызвали серьезные сомнения в том, что эти ребята проходили подготовку в обычном пехотном училище в Петергофе.

Как правило, автобус сопровождали двое с зелеными пропусками-вездеходами, подписанными заместителем министра. Высокий синеглазый шатен имел пропуск на имя Карислава Бердлина. Коренастый блондин предъявлял корочки на имя Павла Белова. Но полковник был уверен на все сто, что карманы агентов набиты документами на все случаи жизни. Когда автобус возвращался, шторы на окнах всегда были задернуты. Даже дежурный по части не имел права знать, кого везут в «Буту».

Повернувшись на бок, Анатолий Тарасович шепотом обругал недалекого Смородова, который месяц назад подговорил сержанта Турлюна пробраться в «Буту» и разнюхать «что там и почему». Турлюн, сам родом из терских казаков, согласился при условии, что его повысят до старшего сержанта и дадут отпуск. Смородов легко пообещал, хотя прекрасно знал, что не имеет права подписывать документы на повышение звания, а командир части не отпустит сержанта за два месяца до дембеля.

Казак Турлюн, который не боялся никого и ничего, ночью пролез под забором и пропал. В части он появился через неделю, в татуировках, в ситцевых штанах, с рожей цвета красного кирпича. Из доклада Смородова, который в эти тревожные дни покрывал отсутствие солдата, полковник уяснил, что Турлюн все-таки добрался до шахты, но секретной

ракеты там не нашел. Зато в шахте имелось некое техническое устройство. Турлюн назвал его летающей тарелкой типа «платформа». По словам Турлюна, это транспортное средство в считанные секунды доставило его в Америку к первобытным индейцам. Среди туземцев он прожил три года, пока его случайно не нашли спасатели.

На вопрос капитана, что он делал все эти годы, сержант доложил, что, являясь отличником боевой и политической подготовки, он помогал индейцам вести освободительную борьбу против белых колонизаторов. Вернуться обратно ему помогли хорошие ребята, пришельцы из параллельного мира. Стоически перенося издевательский смех капитана, Турлюн предложил капитану покаяться в грехах и оказать христианскую помощь бедным индейцам. Смородов, который по совместительству заведовал кружком воинствующих безбожников, назвал рапорт сержанта сектантской пропагандой и приказал штабному писарю порвать протокол допроса.

Затем возник вопрос об отпуске. Капитан объяснил, что сержанта потому не объявили в розыск, что ему оформили отпуск задним числом. Этот отпуск он уже отгулял в параллельном мире так что, как говорится, гуляй Вася. Терской казак не стал спорить, только криво усмехнулся и произнес короткую фразу на чеченском языке. От этих непонятных, но страшных свистящих слов капитана бросило в холодную дрожь, словно к его животу уже приставили длинный холодный кинжал. Он понял, что в Буте случилось нечто такое, от чего у горячего кавказского парня поехала крыша. Смородов решил, что нужно срочно принимать меры, пока скандал не разросся за пределы части. В любом случае с командиров отделения Турлюна необходимо снять и направить в санчасть госпиталь для обследования.

В госпитале выяснилось, что сержанта невозможно заставить ночевать в койке. Днем он отсиживался в шалаше, который соорудил из запасных одеял, а по ночам бродил по коридорам, рисуя на стенах стрелки, чтобы не заблудиться на обратном пути. Уколы ставить не позволяет. Угрожал за шприц снять скальп санинструктору. Особо отмечено, что свои угрозы больной часто выражает в стихотворной форме, чего прежде за ним не наблюдалось. На третий день Турлюн заявил, что единственный, кого он желает видеть, его взводный, лейтенант Саничев. Если нужна информация об индейцах, он расскажет её только своему взводному. Лейтенанту Саничеву он доверяет и расскажет все. Или почти все. А Смородова он больше не желает видеть, поскольку особист думает только о своей карьере, а на личный состав ему наплевать.

Полковник, которому до пенсии оставался год, прекрасно отдавал себе отчет, что дело Турлюна не должно выйти за пределы гарнизона. По просьбе начальника медчасти он направил к сержанту Саничева, проинструктировав его должным образом. Лейтенант посетил больного и просидел с ним пять часов в шалаше из одеял. Он с большим вниманием выслушал рассказ сержанта и пообещал написать о нем в газету «Красная Звезда». После визита Саничева больной резко пошел на поправку. Через неделю начальник медчасти доложил полковнику, что Турлюн согласен с его диагнозом, согласно которому воспоминания о пришельцах и дикарях являются маниакально-депрессивным бредом, усиленным многолетним чтением фантастики под одеялом. Указанная выше депрессия вызвана шоком от падения в шахту для баллистической ракеты. Шахта была пуста, поскольку ракету увозили на ремонт. В настоящий момент депрессивный синдром снят. Через пару дней сержант сможет вернуться в строй, так как анализы у него хорошие.

Для начала Дахно влепил Смородову выговор с формулировкой «за недостатки в воспитательной работе с личным составом». Затем приказал оформить Турлюна помощником дежурного по контрольно-пропускному пункту. Тем более, что в сне сержант практически не нуждался, а служить ему оставалось всего ничего. Саничев продолжал навещать Турлюна, подолгу беседовал с ним и даже кое-что записывал в блокнот. Движимый служебным рвением Смородов вызвал лейтенанта и поинтересовался, о чем он может разговаривать с

чокнутым казаком. Саничев доложил, что в свободное от службы время собирает фольклор. Сержант Турлюн знает кучу песен народов Кавказа. К этой теме у него, уроженца русского Севера, жгучий интерес с детства. В подтверждение он даже исполнил песню из репертуара Полада Бюльбюль-оглы. Аргументов у капитана не нашлось. Отпустив Саничева, он записал в плане воспитательной работы, что беседа проведена, вопрос закрыт. Вялые мысли полковника прервал телефонный звонок.

– Дахно слушает.

– Товарищ полковник, докладывает дежурный по части капитан Смородов.

– А, это ты, капитан. Новости есть?

– Докладываю: в военторге имеются алмазные иголки для «Романтики-201».

– А марка та самая? – оживился Дахно.

– Так точно. Лежат под витриной, семь рублей штука. Отдел культтоваров откроется в десять ноль-ноль. Я сам лично схожу и возьму для вас.

– Отлично, – потер руки полковник. – Еще что?

– Есть телефонограмма из Буты. Зачитываю: «Майор Бердлин и капитан Белов командированы в г. Москву. Номер путевки такой-то. Автомобиль марки такой-то. Выпустить и впустить обратно без досмотра. Подписано: генерал-майор Эглин.

– Понятно. Погоди, почему телефонограмма? Ты сам-то где был?

– Так ведь я уже докладывал: ходил на разведку в военторг, – обиделся капитан. – На улице осадки в виде холодного дождя со снегом. Я продрог. Вернулся, включил кофейник. Пока варился кофе, телефонограмму принял помощник дежурного лейтенант Саничев.

– Кто? – не веря своим ушам, переспросил Дахно.

– Виноват, товарищ полковник! – перепугался Смородов. – Вы сами приказали чаще ставить Саничева на дежурство. Чтобы он, так сказать, меньше торчал на КПП и в других местах. Саничев мне как раз про черные дыры объяснял. Рисовал на столе мировые линии, которые показывают, как развиваются события в нашем мире. В прошлом и будущем. Тут телефон зазвонил, он трубку и снял. Кто же знал, что с Буты звонят. Накладка получилась.

– Накладка? – рявкнул полковник. – За накладку в настоящем ты в отпуск пойдешь будущей зимой! Слушай внимательно, капитан. Передай Саничеву приказ, чтобы он взял самосвал, двух молдаван из хозроты и немедленно отправлялся на коломенский карьер за щебнем. На автодроме, понимаешь, вторую неделю провал заделать не можете! В общем, пока эту «черную дыру» он щебенкой не засыплет, в часть пускай не возвращается. Там работы на сутки, не меньше. Горячее питание солдатам обеспечить на месте. Все понял?

– Так точно! – отчеканил Смородов. – А почему на коломенский? Ведь барановский карьер в два раза ближе.

– Делай, что тебе говорят, – рассердился Дахно. – Об исполнении доложить через десять минут.

– Слушаюсь! – на другом конце провода осторожно положили трубку.

Дахно прошел на кухню и достал из холодильника бутылку чешского. После выпитого пива стало значительно легче. Даже молоточки куда-то исчезли. Снова зазвонил телефон. Смородов доложил, что Саничеву приказ объявлен, до завтрашнего вечера он в часть не вернется. Иголка для комбайна куплена, наказ о горячем питании в столовую выдан.

Повеселев, Дахно отправился в ванную комнату и пустил горячую воду. Через некоторое время можно было слышать, как полковник плещется в ванне, напевая свою любимую:

Когда, забыв присягу, повернули,
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули,
Всегда стрелял без промаха комбат.

Глава 4

В 9 часов утра по московскому времени из шахты бесшумно вынырнула транспортная платформа. Затрещали электрические искры, в воздухе запахло озоном. Повернувшись вокруг оси, платформа пристыковалась к стальному мостику приемного отсека. Щелкнули замки швартовочных рычагов, выравнивая платформу с бетонным полом станции. Тонко запел невидимый электромотор. Крышка люка выдвинулась на коленчатых рычагах вперед и откинулась наверх. Из пассажирской капсулы вышли двое, одетые в черные комбинезоны. Пройдя через турникет и стальную дверь с кодовым замком, они оказались в гаражном отделении. Здесь, как в музее автомобильного транспорта, находились сотни автомобилей различных марок, представлявшие лучшие автозаводы планеты.

– Кари, давай возьмем этот мерседес? – Белов с удовольствием похлопал по блестящему черным лаком корпусу восьмицилиндрового лимузина.

– Ты меня удивляешь, – покачал головой Кари. – Откуда такие запросы у простого советского человека? Скромнее надо быть, Паша, скромнее. Академик Лемех родился в простом русском селе. Деревенский паренек будет шокирован автомобилем для состоятельных миллионеров. Не говоря о том, сколько этот мастодонт жрет высококачественного бензина, который недешев даже при советской власти.

Миновав зал для иномарок, Кари подошел к выдавшему виды мини автобусу УАЗ. Он уверенно открыл дверцу с надписью «Лаборатория» и сел за руль.

– Нельзя привлекать к себе внимание, – объяснил Кари, вставляя ключ в замок зажигания. – Представь, мы въезжаем в Москву 1986-го года на представительском шикарном «мерседесе». Кто мы в глазах инспектора ОРУДа, или как там сейчас называется эта служба? Правильно, преступные угонщики, поскольку иномарки в это время крайне редки. Простые люди на них не ездят, а на нас – рабочая униформа.

– Ананас, ананас, – проворчал Белов, усаживаясь рядом. – Простые, может и не ездят. Был у меня знакомый из девяностых годов, известный тренер по футболу. Выйдя на пенсию, он учредил газету бесплатных объявлений для футболистов, которую назвал «Из ног в ноги». Так вот, этот бывший тренер ездил на полноприводной японке «субару», которую спокойно купил во Владивостоке. И никто к нему не придирался.

Подъехав к воротам, Кари нажал кнопку на пульте. Широкая стальная плита бесшумно отъехала в сторону. Вырулив на площадку перед гаражом, автомобиль проехал через двойные автоматические ворота и оказался на территории воинской части, обнесенной глухим каменным забором. Возле проходной стоял смуглый солдат в длинной шинели. Длинным острым ножом он выстругивал палочку и что-то бормотал себе под нос.

– Кто это? – спросил Кари.

– Сержант Турлюн.

– Тот самый?

– Он, родимый. Шустряк! Ухитрился без пароля залезть в капсулу, которая уже была настроена на станцию выхода «Саток». Пока аппарат вызволяли, в Канаде три года пролетело.

– Понятно. Удивительно другое: как он выжил среди индейцев?

– Турлюн – потомственный казак, – пояснил Белов. – Он очаровал туземцев высшей школой верховой езды. Иначе не сносить ему скальпа. Канадские индейцы – народ суровый. Это вам не делаваы из Новой Англии. Интересно послушать, что он бормочет.

Белов щелкнул тумблером. В динамике послышался хриплый голос казака:

С моря ветром дунуло,

На закате дня,
Я приеду в Юрмалу,
Берегись меня.
Руки-ноги оборву,
Выколю глаза,
Здесь со мною в Юрмале,
Так шутить нельзя.

– Суровый дядя! – заметил Кари. – Такому что муху убить, что человека. У кого он, говоришь, проходил курс выживания?

– У шеванезов. Его Саток нашел. Сагамор обратил внимание, что на счётчике капсулы высветилась лишняя ходка.

– Я помню отчет, – кивнул Кари. – Парень был совсем плох.

– Сам виноват. Не надо было лезть, куда не просят. Написано на шести языках «Не включать», значит, не включай. Так нет, сунул палец прямо в счётчик. Вот его и закинуло в семнадцатый век. Три года отслужил, пока сагамор его не нашёл. Подожди, я скоро вернусь.

Белов прихватил путевой лист и вышел из машины. Перекинувшись парой слов с Турлюном, он зашел в домик КПП и поставил штамп на бланк. Постовой помахал бутовцам и открыл ворота. «УАЗ» выехал на проселок, затем повернул направо и помчался по шоссе к московской кольцевой дороге.

– В душе он неплохой парень, этот казачок, – сказал Белов. – На судьбу не жалуется, проблем не создает. Только иногда попросит привезти что-нибудь из города.

– О чем просил на этот раз? – Кари рассеянно оглянулся.

– Бутылочку коньяку. С красивой обложкой. Я обещал достать однотомник в подарочном издании.

– Какой такой однотомник? – не понял Кари.

– Лучше армянский, конечно. В плоской посуде, в виде книжки. Да разве в этой декаде его достанешь без блата? Ладно, возьмем, какой будет. Все равно он просил не себе, а начальнику караула. А тому любое издание сойдет.

Автобус проехал по мосту через речку Битцу. Через несколько минут они влились в поток машин, мчавшихся по Варшавскому шоссе. Свернув на Балаклавский проспект, автобус доехал до улицы Обручева. Дальше дело пошло хуже. На пути к проспекту Вернадского их машину останавливали три раза. При виде грозных удостоверений работники госавтоинспекции почтительно козыряли, но на следующем перекрестке все повторялось. Скорости, конечно, это не прибавляло. Невозмутимый Кари объяснял бдительность милиции наплывом гостей столицы в связи с очередным съездом коммунистической партии. Мнительный Белов подозревал наличие иных причин, вызвавших повышенную активность сил природы в лице органов МВД. Как показали дальнейшие события, он был прав.

На перекрестке возле цирка они стали невольными свидетелями аварии. Многотонный самосвал «Магирус Дойц», возникнув слева из ниоткуда, вылетел на красный свет с явным намерением протаранить «УАЗ». Кари, готовый к такого рода неожиданностям, вильнул в сторону и резко затормозил. Растерявшийся водитель самосвала не справился с управлением и зацепил бампером фонарный столб. «Магирус» удивительно медленно лег набок и пять тонн жидкого цементного раствора вылились на проезжую часть. Неизвестно откуда взявшиеся три сине-красные «волги» подлетели к «уазику» и мгновенно взяли его в кольцо.

Усатый капитан МВД грозно приказал Кари и Белову выйти из машины. Увидев удостоверения офицеров госбезопасности, он резко сбавил тон и начал что-то бормотать о лихачестве, недопустимом на дорогах столицы, а также о порче городского имущества в виде сбитого фонарного столба и залитой цементом дороги. На требование Кари не задерживать

сотрудников органов при выполнении срочного задания капитан предложил подождать пять минут «до выяснения обстоятельств». Пять минут превратились в десять, к которым добавились еще пять. На очередную просьбу капитана «подождать еще пару минут» Кари ответил решительным отказом и сел за руль. Белов небрежно похлопал по нагрудному карману с удостоверением и занял место рядом.

Уже больше часа они сидели в автомобиле возле высотного жилого дома на проспекте Вернадского. Невдалеке находилась площадка с мусорными баками. Несмотря на холодную погоду, от баков тянуло гниющими отбросами. Кари уже не раз пожалел, что выбрал для засады именно это место. Рабочий день академика Лемеха уже давно закончился, но учёный явно не торопился домой. Белов, которого от мрачных предчувствий одолела зевота, предложил позвонить в университет, чтобы уточнить местопребывание загулявшего ученого. Кари не возражал. Белов достал трубку-сотку и набрал номер кафедры. Выслушав ответ секретаря, он нахмурился и дал отбой.

– У меня есть новости. Одна плохая, другая еще хуже. С какой начать?

– Давай плохую.

– Лемех час назад убыл в командировку в Ленинград.

– Так, – крикнул Кари. – А вторая?

– Вернется через три дня, не раньше. Что будем делать? Ждать или как?

– Ждать нет времени. Диверы мы, или кто? Думаю, Рекн и здесь наследил. Если так, то все меняется. Жаль, Кася нет с нами. Он бы придумал, как перехитрить норвежца. Чую, обстановка накаляется с каждым часом. Ехать за Лемехом в Ленинград тоже не след. УАЗ уже примелькался. Люди Рекна перехватят нас на Ленинградском шоссе. Хвост придется сбросить. Предлагаю «нырнуть» на четыре дня вперед и брать Лемеха после командировки. В Буту мы не вернемся. Если я прав, Рекн уже оставил там засаду. Нырять будем через «Лосятник» с новыми документами. Эту станцию используют редко, только в экстренных случаях. Думаю, такой случай настал.

– Через «Лосятник» будет надежнее, – одобрил Белов. – А отсюда пора сваливать.

Переодевшись в штатское, диверы бросили «УАЗ» на произвол судьбы и взяли такси. Через полчаса они добрались до национального парка «Лосиный остров», расположенного в северо-восточной части Москвы. По дороге неожиданно разразилась сильная гроза. Словоохотливый таксист рассказал, что аналогичная зимняя гроза случилась в последний раз в 1976 году, аккурат перед Великим повышением цен на водку. Народ тогда сильно волновался, собирался в толпы и шумел. Ждали, что снимут Предсовмина, но все обошлось. Вспомнив что-то, Белов спросил у таксиста, где можно достать пару бутылок хорошего коньяка. Водитель сказал, что коньяк всегда имеется у бармена из заведения «Островок». Это на Лосино-островской улице, как раз между заправочной станцией и автоцентром. Диверы переглянулись. В крайнем боксе вечно закрытого на ремонт автоцентра «ВАЗ» был устроен вход в станцию «Лосятник». Это их вполне устраивало.

Несмотря, что бар «Островок» находился в полуподвале, здесь было достаточно тепло. Заняв столик подальше от эстрады, продрогшие диверы заказали у сонного официанта бутылочку коньяка, четыре шашлыка, лаваш и «вообще закусочку». Почуввав приличные чаевые, гарсон мигом проснулся и улетел на кухню.

За соседним столиком сидели одетый в дорогой английский костюм мужчина кавказской наружности и скучающая блондинка в красной кожаной юбке. Подвыпивший кавказец уговаривал девушку принять в подарок купленную здесь же в баре коробку засохших конфет.

– Слушай, ты почему не хочешь конфет? – удивлялся он. – Ты должен любить конфет. Ты сама похожа на конфет. Пойдем к мне в гости.

– Какой вы быстрый, – вяло отбивалась девица. – А вы где живете?

– В гостиница «Россия», – расцвел кавказец. – Там у меня все есть.

– Это так неожиданно, – кокетничала блондинка. – Я не могу так сразу. И вообще, я люблю, чтоб все было романтично.

– Слушай, романтично бывает в театре Ромен. Хочешь, я приглашу сейчас сюда своих ромале?

– Не надо, не надо ромалэ, – растерялась девушка. – Я не люблю, когда их много. Это не романтично. Я люблю, когда дарят цветы, говорят о поэзии.

– Вай, как я сам забыл, что девушки любят срезанный цветы. Подожди, дорогая. Один секунд и мы нарежем тебе цветы.

Кавказец легко поднялся и подошел к стойке бара, на которой стоял японский телевизор. Бросив пару слов бледному от подвальной жизни бармену, он обменял сотенную купюру на букет гвоздик, которые забрал вместе с вазой.

– Дарю тебе цветы, – он поставил вазу на стол.

– Спасибо! – девушка зарылась лицом в гвоздики.

– Ты Пушкина стихи знаешь?

– Конечно, знаю.

– И Лермонтова знаешь?

– Очень хорошо знаю, – засмеялась она.

– Вот видишь, мы говорили о поэзии. Теперь пойдем к мне в гости на гостиница!

За окном сверкнула молния. Телевизор на стойке включился сам. На экране появился известный научный телеведущий с мясистым породистым носом и потусторонним взглядом, навсегда устремленным вверх под кустистые брови. Камера отъехала в сторону. Рядом оказался мужчина в темном костюме с гладко зачесанными назад седыми волосами.

– Итак, дорогие телезрители, – аристократически наклонил голову ведущий, – Наш гость, академик Алексей Алексеевич Лемех поделился с нами своими оригинальными взглядами на самую, пожалуй, важную проблему современной физики. Если принцип Эйнштейна в самом деле не точен (в чем мы пока не уверены) и гравитация не эквивалентна инерции, то многим ученым придется пересмотреть свои представления о структуре Вселенной. А пока мы попросим академика Лемеха ответить на вопросы телезрителей. Товарищ Павлючко из Нижних Котлов спрашивает, возможно ли столкновение Земли с кометой Галлея, которая вскоре будет пересекать орбиту нашей планеты.

– Столкновение невозможно, – покачал головой Лемех, – по той простой причине, что комета пересечет плоскость орбиты Земли, но не саму орбиту. В этот день между кометой и Землей будет лежать расстояние в десятки миллионов километров.

Услышав имя Лемеха, Малх насторожил уши, но бледный бармен, с детства ненавидевший физику, выключил телевизор.

– Запись! – пожал плечами Кари.

Подлетел гарсон с подносом и начал расставлять напитки и закуски. Выпив по стопке коньяку «за науку», диверы набросились на еду. Слегка заморив червячка, Белов взял бутылку и повернул этикеткой на свет.

– Азербайджанский коньяк «Гой гол», – прочитал он. – Жаль, что не армянский. Хм, три звездочки. Я и не знал, что в Баку делали коньяк. «Гой гол» какой-то. Впервые слышу.

– Не «Гой гол», уважаемый, а «Гёй гёль», – вмешался кавказец. – В Баку не делают коньяк. Его делают в Шамхоре. Это говорю я, Рифат Хантамиров, директор по коммерции от шамхорского коньячного завода.

– Прошу к нашему столу, – Кари приветственно помахал рукой. Встроенный в браслет часов детектор подтвердил, что на кавказце нет оружия.

Хантамиров присел на свободный стул и подозвал официанта. Хрустящая бумажка перелетела в бездонный карман гарсона и он тут же исчез.

– Друг, я скажу тебе один умный вещь, только ты не обижайся, – южанин наклонился к Белову.

– Это – не «Гёй гёль». Вообще это не такой продукт, который полезный для здоровья. Нормальный коньяк был до повышения цен. Вах, если бы у меня был машина времени! – зацокал он. – Я бы поехал жить туда. Даже еще лучше – в 71-й год. А здесь нам больше делать нечего.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Кари.

– Ай, дорогой! – укоризненно покачал головой кавказец. – Что имею, о том и речь веду. Исторический съезд нашей партии кончается, да? Кончается великая эпоха. Снова народы мира придут в движение, изменится лик Земли. А кто мне скажет, кому это нужно? Какой в этом смысл? Как говорил великий и мудрый Омар Хайям:

Откуда мы пришли, куда свой путь вершим?
В чем жизни нашей смысл, он нам непостижим.
Как много чистых душ под Колесом Лазурным
Сгорает в пепел, прах, а где скажите дым?

Появился официант с новой бутылкой коньяка. Он приготовился вытащить пробку, но Рифат поднял палец. Гарсон поставил бутылку и тихо испарился.

– Друзья! – кавказец сделал широкий жест. – Это от нашего стола – вашему столу. Никто не знает, что нас ждет впереди. Может быть, сегодня мы пьем коньяк от последнего урожая. Кто знает, наступит ли сентябрь? Но даже в этот последний зимний вечер я твердо говорю, что шамхорский коньяк лучше.

– Чем же он лучше? – недоверчиво спросил Белов.

– Шамхорский коньяк пахнет солнцем, а этот – вшами. Нет, не вшами, а такими красными, в грязной постели бывают. Клопами, вот кем! Я всегда могу за бутылку шамхорского отдать две другие.

– Давай, если есть, – подловил Белов. – Я должен другу две бутылки армянского, а достать негде.

– Друг! – поднял палец кавказец. – Это святое. Пойдем, у меня есть в машине. Девушка, ты никуда не уходи. Я скоро приду назад.

Хантамиров не вернулся. Прорицатели редко угадывают свою судьбу. Особенно, когда речь идет о ближайших часах их жизни. Свернув за угол, они увидели черную волгу с открытым багажником, в котором копался неизвестный в кожаной куртке.

– Земляк! – укоризненно сказал кавказец, бесшумно зайдя за спину грабителя. – Зачем ты залезал в мою машину? Если тебе что нужно, ты скажи. Я так отдам.

Вор резко выпрямился и врезался головой в крышку багажника. Зашипев от боли, он выхватил нож и ударил Хантамирова в грудь. В последний момент тот успел подставить локоть. Нож скользнул по руке и вонзился в плечо. Реакция кавказца была мгновенной. Двинув коленом нападавшего в пах, он вырвал нож и быстро махнул им перед собой. Остро отточенное лезвие просекло белое горло до позвонков. В распахнутых глазах вора отразились неоновые огни рекламы. Он схватился за горло и упал в грязный снег. Жизнь покидала его вместе с ручейком крови, вытекавшим из-под скрюченных пальцев.

– Вай, зачем ты доставал нож? – Рифат уронил покрасневший клинок и привалился спиной к машине. Рукав его пиджака быстро темнел.

– Риф ранен в плечо. – Кари нагнулся к телу вора, проверил пульс. – Этот уже труп.

Из ресторана высыпали люди. Закричала женщина, одетая в красную кожаную юбку.

– Давай ключи! – Белов бесцеремонно выхватил ключи у раненого и открыл машину. Кари затолкал Рифата на заднее сиденье и забежал с другой стороны. Взвизгнув колесами, волга рванулась с места и скрылась за поворотом.

Кари открыл замок тамбура «Лосятник» универсальной отмычкой и распахнул ворота. Белов загнал волгу в бокс. Ворота закрылись.

Хантамиров лежал на койке, весь оклеенный пластырями. У раненого началась лихорадка.

– У этого «кавказца» нет ни одной стандартной прививки, – объявил Белов, изучив результаты анализов. – Это не «гомо советикус»!

– Кто же он такой, черт побери, – Кари достал шприц-ампулу и решительно вкатил «кавказцу» два кубика пентонала натрия. Хантамиров сладко потянулся и зевнул.

– Шайтан выдумал моду, а сам канул в воду, – сказал он, не открывая глаз. – Берегитесь модальной развилки.

– Что?! – в один голос завопили диверы. – Какая еще мода?

– Мода – это образ, – улыбнулся во сне кавказец. – Мгновенная картинка реальности, срез мировой линии, по которой развивается история вселенной. Любое событие можно сравнить с почкой на ветке дерева. Возникло событие – появилась почка. Если событие незначительно, почка засыхает, а линия сохраняет направление инерции. Если событие серьезное, вырастает новый побег. Сильное событие преодолевает инерцию и изменяет направление мировой линии. Возникает развилка между тем, что могло быть, и тем, что есть на самом деле. Одним словом, модальная развилка.

– Мы знаем, что такое модальная развилка, – Кари уселся на стул. – И про дивергенцию слышали.

– Ты сам кто такой, как тебя зовут?

– Меня зовут Рифат. Нехорошо забывать имена друзей.

– Не умничай, – отрезал Кари. – Скажи, кто тебя послал и зачем?

– Никто. Я сам пришел.

– Зачем, с какой целью?

– Снять развилку, спасти Москву. Людям угрожает опасность.

– Что тебе до Москвы?

– Я люблю Россию.

– Ого! – удивился Кари. – Откуда ты такой прибыл?

– Я прибыл с Тимешина.

– Откуда?! – растерялся Белов.

– Со южного полюса сателлита.

– Южный полюс необитаем, – не поверил Кари. – Без экрана там жизнь невозможна.

– Возможна, как видите, – Рифат привстал и потряс раненой рукой. – Там у Рекна много людей. А экран, это так. Защита от дураков.

– Но, но, полегче на поворотах. – Белов решительно уложил раненого обратно в койку. – Был бы умнее, не сел бы на перо. Кари, действие сыворотки кончается. Допрашивай быстрее.

– Ты работаешь на Рекна?

– Уже не работаю. – Он убил ваших людей, а я ненавижу убийства. На Земле очень много неосвоенных территорий. Зачем убивать? Мы поспорили, и я ушел от него. Меня никто не может удержать, если я не хочу остаться. Взял шлем Водана и ушел.

– Где сейчас находится шлем Водана?

– Шлем в надёжном месте.

– Где ты оставил шлем Водана?

– В надёжном месте.

– Где находится надёжное место?

– Хррр...

– Хантамиров, проснись! Как ты оказался в восемьдесят шестом году?

– Я возвращался в семьдесят первый, чтобы начать все сначала. Меня остановил новый потенциальный барьер. Это было возле отметки 14 марта 1986 года. Я сразу замерил дивергенцию. Она оказалась почти сто процентов. Тогда я вернулся в 25 февраля, чтобы узнать, в чем причина.

– Это был день открытия партийного съезда, – заметил Кари.

– Съезд здесь не при чем! Дивергенция начала расти в марте, уже после закрытия партсъезда. – Хантамиров поднялся и сел на кровати. Его глаза были совершенно ясными.

–, Около 14 марта 1986 года на Земле произойдет глобальная катастрофа. Погибнут миллиарды людей. Ход истории опять изменится. – Он почесал затылок и шлепнулся обратно в койку.

– Что будем с ним делать? – спросил Белов, держа руку на пульсе спящего кавказца.

– Не бросать же здесь, – пожал плечами Кари. – Рано или поздно Рекн найдет его и ликвидирует. Возьмем Рифа с собой. Он все равно собирался в свой семьдесят первый. Подлечим и отправим на все четыре стороны. Заодно и следы заметем. В этой декаде нам делать больше нечего. Риф прав, при такой дивергенции вступать в контакт с Лемехом недопустимо. К тому же появление здесь дивера с южного полюса не добавило стабильности данной реальности.

– Ты имеешь в виду превышение необходимой самообороны? – усмехнулся Белов.

– И это тоже. Давай, берись за койку. Закатим его в капсулу и в путь.

Глава 5

Белов сидел в кабине хлебного автофургона. В это раз они предусмотрительно припарковались подальше от мусорных баков, хотя железо выглядело как новое. Судя по фасаду, девятиэтажка, в которой Лемех получил квартиру, была сдана в эксплуатацию год-два назад, не больше. Поглядывая на дорогу, Белов вспоминал странную встречу с лицом кавказской национальности, нарушившим их планы. Сначала они отпрыгнули на десять лет назад. Вынырнув в 1976-м, Белов замерил дивергенцию временных линий. Результат был всё еще значительным. Белов уговорил Кари заскочить в ресторанчик «для уточнения данных». Кари согласился переждать пару дней в этой тихой декаде, так как Риф все еще был слаб. Заперев кавказца на всякий случай, диверы направились в ресторан, который в 1976-м году был переименован в закусочную «Три сосны». Или наоборот, «Три сосны» через десять лет будут переименованы в «Островок»? Наверное, так будет точнее.

Несмотря на разницу в десять лет, знакомый гарсон не выглядел намного моложе. А может, в 1986-м году он не выглядел старше? Вдруг гарсоны вообще не стареют? Белов небрежно показал удостоверение с большим золотым гербом. При виде красных корочек гарсон сразу ослаб в коленях, что было характерно для семидесятых. Бледного бармена пригласили к столу для краткой беседы. Получив ответы на все вопросы, Белов приказал срочно организовать две бутылки коньяку. Окрыленный ощущением обретенной вдруг свободы гарсон мгновенно исполнил заказ. Вознаградив его за пережитое щедрыми чаевыми, они вернулись на станцию. Белов, которому до ломоты в костях надоела московская февральская слякоть, предложил на этот раз вынырнуть в июне 1971-го года. Кари не возражал. Мнения Рифата никто не спрашивал.

Выздоровевшего кавказца отвезли на вокзал и посадили на поезд «Москва – Махачкала», поскольку путь в родной Шамхор был ему заказан. Так Рифат Хантамиров отправился на Северный Кавказ поднимать виноводочную промышленность. Благодаря его трудам качество дагестанского коньяка заметно улучшилось. Через три года Рифата командировали в Париж на стажировку. Там он встретил девушку своей мечты, женился на ней и остался во Франции навсегда. Но это уже другая история.

Вернувшись в Буту, диверы взяли на этот раз хлебный автофургон, переоборудованный для перевозки людей. Несмотря на опасения Кари, они без приключений добрались до известного номера на проспекте Вернадского. Белов сразу позвонил в университет. Там сообщили, что профессор Лемех уже закончил принимать экзамены и выехал домой. Ждать оставалось недолго.

Мимо проехал милицейский «газик». Так здесь называли малолитражный внедорожник модели «ГАЗ-69». В голове всплыла глупая частушка, услышанная в ресторане «Островок»:

Мент имеет свой менталитет.
У ментов особые приколы.
Пусть менты учились плохо в школе,
Но зато у них авторитет.

Хотя нет. Эту частушку он услышит через 15 лет. На местном календаре всё еще 1971-й год. Здесь нет даже закусочной «Три Сосны». События начали запутываться. Пора, пора домой. Где же профессор Лемех? Дорожных пробок быть не должно, это вам не двадцать первый век. Сзади послышался шум. Оглянувшись, Белов увидел бродячую собаку, которая запрыгнула в мусорный бак и принялась рыться в объедках.

– Не люблю собак, – поморщился он.

– Не любишь собак? – удивился Кари. – Да ты просто не умеешь их готовить.

Белов насторожился. К дому подкатила серая волга с белыми шашечками на боку. Из такси вышел коренастый мужчина с гладко зачесанными назад темными волосами. За ним возник высокий стройный юноша с тяжелым портфелем в руке.

– А вот и Лемех, – обрадовался Кари. – Портфеленосец не в счет. Увидит красные корочки, вмиг испарится. Ну, пошли?

Диверы выбрались из машины и направились к Лемеху. Дело практически было сделано. Но какое-то странное чувство не покидало Белова. В голове рядом с навязчивой частушкой кружила мысль, что скоро он вернется на этот проспект, с которого хорошо видно высотное здание Университета. Но это будет уже другая Москва.

Часть 2

Глава 6

В конце лета внезапно объявился Руслан Мамаев, с которым вместе поступали на физический факультет университета. Проучившись два курса, Мамочка (так его прозвали в общежитии за хозяйственную жилку) вдруг оставил физику и перевелся на геологический, объяснив свой поступок тем, что науки о Земле сегодня важнее. Получив диплом геолога, он уехал по направлению в Сибирь, где занялся разведкой природного поделочного камня. В одной из экспедиций ему удалось открыть месторождение ситцевой яшмы, представлявшее промышленный интерес. Вернувшись через пару лет домой, Мамочка устроился преподавателем в Горный техникум и женился, оставив кочевую жизнь.

К тому времени я уже отработал положенный срок в физико-техническом институте. В качестве лаборанта я занимался экспериментальной работой. Работа была рутинной и низкооплачиваемой. Не вдаваясь в детали, скажу, что за это время я перетаскал на своих плечах из криогенного цеха и испарил в лабораторном криостате восемь тонн жидкого азота, две тонны жидкого гелия, обработал 40 образцов, нарисовал 80 графиков, опубликовал (в соавторстве) две статьи в журнале «Физика и техника полупроводников». Эти цифры навели меня на определенные сомнения в нужности того, что я делаю.

Вернувшись из отпуска, я решил уйти из действующей науки. Узнав от ученого секретаря, что освободилось место в редакции отделения, я написал заявление о переводе и приложил к нему отписки своих статей. Поскольку других желающих не нашлось, я был зачислен в штат и сразу приступил к своим новым обязанностям.

В то жаркое августовское утро телефон в комнате молчал, как будто его отключили. Возможно, это был знак судьбы, но я не обратил на него внимания. Как обычно, я сидел рабочим столом и разбирал редакционную почту, не подозревая, что Руслан Мамаев уже едет в троллейбусе, прижимая к животу папку с рукописью романа С. Саничева.

Включив вентилятор, я вскрыл доставленный из отдела писем пластиковый мешок и высыпал из него два десятка разноцветных конвертов. Негусто, подумал я. Лето, ничего не попишешь. Наши постоянные корреспонденты сменили авторучки на садовые лейки и поливают в садах-огородах фрукты-овощи на радость внукам.

Мое внимание привлек большой белый конверт, надписанный твердым крупным почерком с наклоном влево. Пенсионер, подумал я. Возможно, ветеран. Придется отвечать сразу. Вскрыв конверт, я достал из него несколько листочков, отпечатанных на машинке через два интервала. Так, имеется сопроводительное письмо. Наш адрес – в углу вверху справа. Обратный – слева, но заметно ниже. Скромный пенсионер. В конце подпись автора, расшифровка подписи (В.Чанов), дата подписи. Полный ажур, подумал я. Не придерешься. Что ж, посмотрим, что пишет В. Чанов. Так, заголовок – имеется, список литературы – аж 8 позиций, подпись, расшифровка, дата. Ажур...

– Однако, – сказал я вслух. – Весьма опытный автор, этот В.Чанов. Читать материал придется очень внимательно.

«Дорогая редакция!», – писал Чанов. – «Предлагаю Вашему вниманию замечтку об ошибках несколько особого рода, обнаруженных мною в печатных изданиях. Поскольку эти ошибки объясняются забывчивостью автора, пишущего много и быстро, их для колорита можно назвать «фагетами» (от английского «ту фовет» – забывать). Классический пример фагета можно встретить в рассказе (прошу прощения) А.П.Чехова «Толстый и тонкий». Здесь написано, что гимназист Нафанаил вначале снимает шапку, а в конце рассказа роняет

фуражку. Заметочка эта лежит у меня больше года. Я не строил себе иллюзий по поводу того, что ее опубликуют. Уж больно велика маститость писателя, допустившего факеты. А в этом году я подписался на Вашу газету и не нахожу слов, чтобы выразить признательность редакции, которой как будто сделали прививку против чинопочитания: настолько все смело и свежо в каждом номере.

По образованию я историк. Трудился учителем в школе, вышел на пенсию по возрасту. В настоящее время работаю внештатным лектором общества «Знание». Свою наблюдательность специально развивал с юных лет и факеты, о которых я рассказываю в заметке, только малая часть того, что мне попадалась в статьях и книгах. Если Вы по каким-либо причинам не сочтете возможным опубликовать предлагаемую мною статью, будьте любезны сообщить мне об этом по нижеуказанному адресу.

С уважением: (подпись), дата, обратный адрес».

Так я и знал, подумал я. Стилъ вежливой жертвы. Однако не пишет ни про свои заслуги перед обществом, ни про инвалидность. Это плюс. Что ж, посмотрим, что за факеты такие. Я перевернул страницу и прочитал название статьи:

ПОЧЕМУ ИСТЛЕЛА ВЕРЁВКА

Неискушенному читателю Редактор издательства представляется неким рыбаком, внимательно раскинувшим свои сети в потоке приходящей литературной продукции. Выловит рыбак рыбку покрупнее, очистит ее от чешуи и отправит в издательскую кухню. Питайся читатель, получай свое удовольствие! К сожалению, времени у редактора мало, а литпродукции – много. Вот и появляются в печати произведения с остатками чешуи, которая для некоторых читателей становится ложкой дегтя в бочке меда. Заслуженный успех, например, имел у широкого читателя роман «Противостояние» (снятый по этой книге одноименный телесериал демонстрировался по Центральному телевидению). Но, если бы у редактора издания было бы чуть больше времени, он легко заметил бы, что на стр. 210 романа написано: «... веревка была чем-то смазана, она была совершенно не тронута гнилью...». Редактор сразу вспомнил бы, что впервые веревка в романе появляется на стр.148. Он вернулся бы назад и прочитал бы: «...истлевшая веревка легко поддалась». Думается, дальнейшее было бы делом техники, в смысле телефона. В любом случае редактору нетрудно договориться с автором об окончательном виде веревки, не говоря уже о других мелочах. В самом деле, не составляет никакого труда поднять трубку и сказать: «Послушайте, голубчик, тут у вас на стр.324 старушка Милинко Г.А. называет своего бывшего квартиранта Гончаровым. А вот я вернулся на стр.300 и обнаружил, что здесь Глафира Андреевна называет его Горчаковым. Разница, конечно, небольшая, но сейчас такой читатель пошел, может и заметить. Давайте оставим что-нибудь одно. Вы какую фамилию предпочитаете? Горчаков? Лады. Так и оставим».

Труднее всего, конечно, редакторам периодических изданий. Им отступать некуда. Хочешь – не хочешь, а очередной номер выпустить обязан в срок. Если бы не состояние хронического цейтнота, редактор журнала «Дружба народов» обязательно позвонил бы автору романа «Пресс-центр» и по дружески сказал бы ему: «Слушай, дорогой, вот здесь у тебя в самом конце очень ярко изображено «Крупно – разметавшиеся по мокрому асфальту соломенные волосы Мари». Все это очень хорошо, но чуть раньше ты пишешь: «Мари мотнула головой. Рыжие волосы небрежно упали ей на лоб». Ну, а вот здесь, в начале, совсем не стыкуется: «Мари Кровс оказалась золотоволосая, коротко, под мальчика, подстрижена». Тебе не кажется, что у нас что-то не то с длиной и цветом волос Мари? Поскольку всё происходит очень быстро, в течение одной недели волосы не могут так быстро отрасти. Дотошный читатель легко может это проверить благодаря указанной у тебя в начале каждой главы

подробной хронологии. Давай все-таки оставим девушке какую-то единую прическу? Я бы выбрал длинные соломенного цвета волосы. Тогда эффектную сцену в финале не придется переписывать. Договорились? Ну, лады!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.